

Д. С. Мережковский

Царство Антихриста

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
М52

М52 **Мережковский Д.С.**
Царство Антихриста / Д. С. Мережковский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 40 с.

ISBN 978-5-4241-2345-0

Дмитрий Сергеевич Мережковский - известный русский и европейский поэт, писатель и философ Серебряного века. Один из основоположников русского символизма, он первым ввел в литературу жанр историософского романа.

ISBN 978-5-4241-2345-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© Д.С. Мережковский, 2021

Дмитрий Сергеевич
Мережковский
ЦАРСТВО АНТИХРИСТА

ЦАРСТВО АНТИХРИСТА

Большевики, Европа и Россия¹

I

«Большевизм и Россия», — если так ставился вопрос еще недавно, то теперь уже не так. Не «большевизм и Россия», а «большевизм, Европа и Россия», — вот как сейчас он поставлен всемирно-историческими судьбами, русскими и европейскими.

Между нынешней Россией, большевистскою, и Россией будущей, освобожденною, Европа, хочет того или не хочет, будет вдвинута. Сколько бы не открещивалась от «вмешательства», — рано или поздно, вмешается, двинется.

Как интернационален, в существе своем, в Интернационале, сам большевизм, так и борьба с ним должна быть интернациональною, всемирною. Когда последний русский национальный фронт пал или ушел в глубь России, в неизбежную революцию, — это яснее, чем когда-либо. Национальный фронт пал — обнажил-ся фронт всемирный.

Этот час, когда я с вами говорю, есть час всемирности, и это место, где я с вами говорю, — есть место всемирности: Париж — город всемирный по преимуществу. Вот почему, если когда-либо, то отныне, и если где-либо, то отсюда, борьба с большевизмом должна, сделаться всемирной.

Да, между большевизмом и Россией будет вдвинута Европа. Это очень трудно понять европейцам. Но, как им ни трудно, — мы, русские, должны сделать, чтобы они наконец это поняли.

Европейцы этого не поймут, пока мы, русские, сами не поймем, что большевизм может быть побежден только «Третьей Россией».

Что такое Третья Россия?

Россия первая — царская, рабская; Россия вторая — большевистская, хамская; Россия третья — свободная, народная.

Но, прежде чем говорить о существовании Третьей России, должно сказать о ведущих к ней путях.

На этих путях все русское изгнание, русское «рассеяние», уже подобное великому рассеянию Израиля — *diaspora* — делится надвое: на знающих и не знающих о том, что сейчас происходит в России.

Не застигнутые полднем большевистского ужаса в самой России, успевшие бежать, — не знают всего, а не знать об этом всего — ничего не знать. Кто этого сам не видел, не испытал, не пережил, тот никогда ничего не узнает.

Между знающими и незнающими — черта, подобная черте смерти: живые — мертвых, мертвые живых не разумеют. «Между нами и вами утверждена великая пропасть, так что хотящие перейти отсюда к вам не могут, также и оттуда к нам не переходят». Мы и вы — тот свет и этот.

О том свете мы вам ничего сказать не можем. Между нами и вами — стена стеклянная. Вы видите, слышите, но не осязаете главного. Главное свойство того, что сейчас происходит в России — немота, несказанность, неизреченность ужаса. Люди страдают страданию малому и среднему; слишком большому сострадать уже не могут, потому что не видят его: так ультрафиолетовых лучей не видит глаз. Вся Россия сейчас — в таких лучах страдания невидимых.

Кто знает все, что сейчас происходит в России, — у того не рана в душе, а вся душа — рана; тот человек с содранной кожей. «Ничего, обрастешь, забудешь», говорите вы, незнающие; а мы говорим: не хотим обрастать, не хотим забывать. Будь мы прокляты, если забудем!

«Воскреснет же когда-нибудь Россия, — подождем», говорите вы; а мы говорим: никогда не дожидется России тот, кто ждал.

«Лучше большевики, чем то или это», говорите вы, а мы говорим: лучше все, чем большевики.

Для их свержения вы готовы жертвовать тем или этим, а мы — всем. С тем или этим вы у них соглашаетесь; а мы — ни с чем. Вы — мирящиеся; мы непримиримые.

«Не вмешивайтесь в русские дела», говорите вы, а мы говорим: невмешательство против большевиков — вмешательство за них.

Невмешательство — соглашательство — предательство, русское и всемирное.

Кто предал Россию большевикам и вот уже три года предает? Соглашатели — Ллойд Джордж один, и Ллойд Джорджи бесчисленные; Керенский один — и бесчисленные Керенские. Если Керенский вернется в Россию, то как встретят его? Растерзают? Нет, он сам рассыплется прахом.

Кто торговался о России «единой, неделимой» и мертвой, забыв о России живой и расчлененной, растерзанной? Все вы же, соглашатели, русские и всемирные.

Еще оттуда, из нашего гроба, погребенные заживо вместе с Россией, мы торг этот слышали, во время наступления Колчака, Деникина, Юденича, — торг о Польше, Финляндии, Эстонии, Латвии, и каждое условие торга вколачивало лишний гвоздь в наш гроб. Нет, этого мы вам никогда не забудем за себя и за всех, кто остался в России. Будь мы прокляты, если забудем, — говорим о себе. Говорим и о вас: будьте вы прокляты, уже забывшие!

Да, соглашатели суть предатели, пусть невинные, честные, благородные, но все же предатели, — ведь главное свойство Керенских и есть сочетание благородства с предательством.

Русский Париж — город соглашателей. Но не весь. Если бы весь, то с ним и говорить бы не стоило. Я с вами говорю, потому что верю, что там, где есть русские люди, есть и люди с содранной кожей, незарастающей; там где есть русские люди, есть и помнящие все, что сейчас происходит в России; не соглашатели, не предатели, — враги большевиков непримиримые. Я с вами говорю, потому что верю, что среди вас непримиримых много, и будет все больше; а когда будут все, тогда большевизму конец, тогда будет Третья Россия.

Непримиримость — вот в Россию Третью путь единственный. Кто сошел с него, тот в нее не войдет. Не войти в Россию, не иметь в ней части — казнь мирящихся.

Мириться можно со злом относительным, с абсолютным — нельзя. А если есть на земле воплощение Зла Абсолютного — Дьявола, то это — большевизм.

«Ваш отец — дьявол. Он был человекоубийца от начала, лжец и отец лжи».

Большевики — сыны дьявола, лжецы и человекоубийцы от начала. Лгут и убивают, убивают и лгут. Покрывают ложь убийством, убийство — ложью. Чем больше лгут, тем больше убивают. Бесконечная ложь — человекоубийство бесконечное.

От начала солгали: «Мир, хлеб, свобода». И вот — война, голод, рабство. Такое рабство, такой голод, такая война, каких еще никогда на земле не бывало.

Лгут о революции — освобождении, а свободу называют «буржуазным предрассудком» (Ленин.) Но, если надо буржуазию уничтожить, то надо уничтожить и свободу. Это и делают: убивают свободу и покрывают убийство ложью. Лгут, что убили свободу на время, пока не восторжествует равенство. Но нельзя убить свободу на время. Убитая свобода не воскресает, пока живы свобододубицы. Пока жив большевизм, свобода мертва.

Да, воистину, такого рабства никогда еще на земле не бывало. Доныне всякое человеческое насилие, порабощение было только частичным, условным и относительным, именно потому, что было только человеческим. Всякий поработитель знал, что делает зло. Большевики этого не знают. Так извратили понятия, что зло считают добром, добро — злом, «по совести» по своей нечеловеческой, дьявольской совести. И впервые на земле явилось рабство безграничное, абсолютное, нечеловеческое, дьявольское.

Так же лгут и о хлебе. Не хлеб им нужен, а голод. Не борются с голодом, а голодом держатся: вся власть их зиждется на голоде. Давно уж поняли, что сытый народ бунтует, ищет свободы; а голодный покоряется и чем голоднее, тем покорнее. Давно уже поняли, что цепь голода — из всех цепей крепчайшая. Все человеческие страхи мгновенны и частны, по сравнению со страхом голода, общим и вечным. Огнем и железом пытаются одного человека, а человеческие множества — «массы» — голодом. Много смертей человеческих; у каждого человека — своя; но голодная смерть для всех одна. Когда и мать-земля не родит, то человек — сын, проклятый матерью. Проклятье земли тягчайшее.

Плод полей и грозды сладки
Не блистают на пирах,
Лишь дымятся тел остатки
На кровавых алтарях.

Так сейчас в России, так будет и во всей Европе, если пройдет по ней большевизм. Где конь этот ступит копытом, там трава не растет; где саранча эта сядет, там уже ни былинки, ни колоса. Съели Россию — съедят и Европу. Весь мир съедят. Вот для чего идут с востока на запад красные полчища. Не Троцкий ведет их, а полководец иной — апокалипсический всадник на черном коне с черным знаменем — Голод. И пулеметного огня в спину не нужно, когда гонит людей голод: если позади смерть, а впереди хлеб, то люди идут вперед и пройдут весь мир — не остановятся. Вот, в чем тайна красных «побед», этих чудес дьявольских.

Большевики и это давно уже поняли. Как победили Россию, так победят весь мир голодом. Исполнилось над нами слово пророка: «Умерщвляемые мечом блаженнее умерщвляемых голодом. Руки мягкосердечных жен варят детей своих, чтобы они были им пищею. Кожа наша почернела, как печь, от жгучего голода».

Погодите, народы Европы, слово это и над вами исполнится: если не обратитесь и не покаетесь, будет и у вас небывалое царство голода — царство дьявола.

Лгут о хлебе, лгут о свободе, но больше всего лгут о мире.

Мира жаждет ныне человечество, как умирающий от жажды жаждет воды. Но мира нет, и сейчас меньше, чем когда-либо, можно надеяться, что будет мир. На востоке Европы все еще бушует война; на западе буря как будто утихла, но страшная мертвая зыбь войны уносит полуразбитый корабль Европы в океан

безбрежный, к новой буре, крушению новому, последнему. Как умирающий от жажды в пустыне, плетется человечество к источнику мира, а большевики забегают вперед и отравляют воду в источнике. Уже отравили, осквернили, сделали мир «похабным» для России и хотят сделать то же для всего человечества. Много у них грехов; но это — тягчайший. Вот за что им камень жерновный на шею, — за осквернение мира.

Лгут: все войны кончатся, и будет мир всего мира только тогда, когда внешняя война международная сделается внутренней войной междуусобной, переродится в так называемую «борьбу классов».

Вот где этими сынами дьявола, лжеца и человекоубийцы изначального, ложь и человекоубийство сплетены в крепчайший узел.

Идея «классовой борьбы», как основной социальной динамики, открыта не ими: вообще никаких идей не открыли они — безыдейность одно из главных их свойств. Идея эта принадлежит тому, кого они считают своим пророком и учителем, Карлу Марксу. «В большевизме Маркс неповинен; Марксовы кости в гробу перевернулись бы, если бы он узнал, что большевики с ним делают». Утверждение это, ныне столь ходкое, следует принимать *cum grano salis*. Именно идея классовой борьбы, вплоть до всемирной войны междуусобной, поглощающей все войны международные, идея «классовой борьбы», в качестве единственно желанной и действительной революционной динамики, связывает большевизм с марксизмом, как пуповина связывает младенца с утробой матери. Именно по этой идее видно, что недалеко большевистские яблочки от яблони марксистской падают.

Хороша или дурна идея классовой борьбы, благородна или презренна, — мы, живые люди, участники борьбы, палачи или жертвы, кое-что знаем о ней, чего Маркс не знал, что и не снилось всем мудрецам социал-демократии. У них идея эта была только в уме; у нас — в крови и в костях: кровь наша льется, кости трещат от нее.

Мы знаем, что война междуусобная в неизмеримо-большей степени есть «война на истребление», чем все войны международные, и что это война бесконечная. Конец ее — взаимоистребление классов — еще менее возможен, чем истребление одного народа другим. Французы могли бы истребить немцев, и желтая раса — белую, потому что тут враг — видит врага в лицо, может отличить его от друга. Но как отличить буржуа от пролетария? Маркс думал, что это легко. Мы знаем, как трудно.

Два класса — не только два существа экономических, два тела, как думал Маркс, но и два духа. Класс на класс — дух на дух. Борьба двух начал духовных — антиномий метафизических — есть борьба безысходная и бесконечная. Тело истребить можно; но как истребить дух? Дух буржуазный таится и в пролетариях. И даже эти «буржуи» новые хуже старых. Дух неуловим, неистребим. Бесконечна война русских чрезвычайек с «буржуйным» духом, — какова же будет война чрезвычайек всемирных?

Да, по русской междуусобной войне можно судить о всемирной. Война междуусобная на международную — братоубийство на человекоубийство, огонь на огонь, больший на меньший. В войне международной — жар горящего дерева, в междуусобной — жар железа, раскаленного добела. В международной войне люди — звери; в междуусобной — дьяволы.

Такова тройная ложь большевиков — «мир, хлеб, свобода» — бесконечный голод, бесконечное рабство, бесконечная война — тройное царство дьявола.

О, я понимаю, как страшно о десятках, сотнях тысяч людей сказать не шутя, веря в реальное существование дьявола: «Все это сыны дьявола»! Но как это ни страшно, я именно так говорю. Так же говорил это Достоевский в «Бесах».

Что такое «бесноватость»? Для научного знания — душевная болезнь. Могут ли ею заболеть не только отдельные люди, но и целые народы? Мы видим, что могут.

Для знания религиозного бесноватость — больше, чем душевная болезнь: это — реальная одержимость дьяволом, предельное воплощение, реализация Абсолютного Зла в человеческой личности, не только в духе, но и в плоти. Человек становится воистину дьяволом. Могут ли быть бесноватыми не только отдельные люди, но и целые народы? Мы видим, что могут.

Если богочеловечество — основной догмат христианства, то обратная сторона этого догмата — бесочеловечество. Можно отвергнуть все христианство вместе с его основным догматом; но, приняв одну половину его, надо принять и другую.

Таков ужасающий реализм моего утверждения: большевики — сыны дьявола.

Но все ли большевики — сыны дьявола? Нет ли между ними и честных, добрых людей, даже «святых»? Вот вечный вопрос соглашателей.

Честных и добрых большевиков нет, а есть как будто честные и как будто добрые. Но эти еще хуже простых негодяев: чем лучше, тем хуже.

Разумеется, и честный и добрый человек может сойти с ума, сделаться зверем, дьяволом или идиотом, юродивым, даже как будто «святым». Но в сумасшествии уже нет человека, не только честного и доброго, но и какого бы то ни было: человек был и, может быть, снова будет, когда выздоровеет, но сейчас его нет.

Большевизм, как душевная болезнь, не столько умственная, сколько нравственная — *moral insanity*, и есть такой именно абсолютный провал человеческой личности, ее исчезновение абсолютное. В этом смысле, истинных большевиков, «честных» и «святых», к счастью, немного. Но это — самые страшные.

Единственное метафизическое оправдание большевистского дьявола, последний обман его, — равенство. Убивают братство, убивают свободу во имя равенства; да погибнет мир, да будет равенство.

Вопрос о большевистском равенстве — сложный и трудный, требующий ответа пространного. Но мой ответ будет краток. Того, кто слеп, потому что не хочет видеть, не убедят никакие ответы. Слепой, не видящий красного цвета, не увидит и белого: кто не знает свободы, не узнает и равенства.

Равенство в рабстве, в смерти, в безличности, — в Аракчеевской казарме, в пчелином улье, в муравейнике или в братской могиле, где труп равен трупу, так что не различишь, — и равенство в личности, в жизни, в свободе, в революции, — не одно и то же. Как соединить революционную Свободу с революционным Равенством, — в этом, конечно, весь вопрос. Большевики не только не разрешили его, но и не поставили; прошли мимо, не подозревая, что тут есть вопрос. Умно и преступно, или идиотски невинно, «свято» утверждают они равенство на свободоубийстве и братоубийстве. Но, убивая Братство, убивая Свободу, убивают и Равенство, потому что разделить их нельзя: эти три — едино: Свобода, Равенство, Братство — три лика одного Божества — Революции.

Свобода — мать Равенства. А большевики вырезают нерожденного младенца, Равенство, из чрева матери, Свободы. Большевизм — братоубийство, свободоубийство и убийство равенства — проклятая троица.

«Светом трижды светящим» — das dreimal glühende Licht — Пресвятою Троицей — закликает и побеждает дьявола Фауст. Тем же светом и мы победим Красного Дьявола.

«Свобода, Равенство, Братство» — Пресвятая Троица в человечестве — этот «трижды светящий свет» загорелся впервые во Франции. Прав Гегель, утверждающий, что Французская революция есть «величайшее откровение христианства после Христа». Франция — святая земля Революции, ее купина неопалимая во всемирной истории. «Скинь обувь свою, ибо ты стоишь на земле святой».

О, я себя не обманываю, я знаю, что и здесь, во Франции этот огонь потухает, что и здесь святыня революции глубоко забыта, зарыта. Зарыта, но не потеряна; забыта, но жива. Жива Революция, пока жива Демократия, потому что у обеих одна душа — Свобода.

Нет, никогда не примирится святая земля Свободы со свободоубийцами. И если в последней борьбе с Красным Дьяволом где-либо вспыхнет всемирный очаг непримиримости, то именно здесь, во Франции.

Вот почему здесь, во Франции, здесь, в Париже, я с вами говорю об этой последней борьбе.

II

В начале XX века океанический пароход «Титаник» потерпел крушение, столкнувшись в тумане с плавучею льдиною. На пароходе совершали увеселительную прогулку американские миллиардеры со своими семьями. За несколько минут до гибели никто ничего не предвидел. Все были спокойны и веселы до того мгновения, когда пронеслось ледяное дыхание смерти. И, если бы сказали им: «Вы сейчас погибнете», — разве бы они поверили?

Так не верит нам Европа, когда мы говорим, что русский пожар — не только русский, но и всемирный. А когда поверит, то бросится тушить пожар, но поздно будет: не Европа нас потушит, а мы ее зажжем. «Мы зажжем Европу», — это сказано было в 1907 году, во время первой русской революции, в книге моей «Le Tsar et la Révolution», изданной здесь, во Франции. Тогда никто не поверил и сейчас не верит никто.

Европа все еще гадает: будет или не будет всемирная революция? А она уже есть: запах ее надо всю Европою, как запах серы перед извержением вулкана.

Европа все еще надеется, что у нее будет не то, что в России: не революция, а эволюция, не срыв, а спуск. Все еще Европа не знает, что из всех спусков — самый отлогий и медленный — в ад.

Мы, русские, давно уже поняли, что здесь, в Европе, слова бесполезны: никого ни в чем никакими словами нельзя убедить. Если между русскими, знающими и не знающими, — стена стеклянная, то между европейцами и русскими, — тем более. Европа видит, слышит нас, но не осязает главного. Ей все еще кажется, что гибель России, ее, Европы, не касается. А когда коснется, — поздно будет.

За что гибнет Россия? Пусть вопрошающие вспомнят башню Силоамскую: «Если не покаетесь, все так же погибнете».

Бич Божий поднят над Европою. Хотим ли мы или не хотим, чтобы он опустился? Такова нераскаянность, таково окаянство Европы, что иногда хотим.

Европейцы думают, что русский большевизм — болезнь для них не опасная: что-то в роде чумы на рогатый скот — к людям неприлипчива. Но, если они ошиблись, то жестоко расплатятся.

Мы уже давно не ждем от Европы жалости. Произошла катастрофа небывалая: тридцать миллионов людей погибло в России. И если погибнут все, — не будет жалости. И добро бы только у «буржуев», — нет, европейские пролетарии к русским братьям своим, гибнущим, еще безжалостнее.

Мы уже давно не ждем стыда от Европы. Все знают, что такое большевики. И вот, самые гордые из европейских народов продают им честь свою за ничто. И добро бы только «буржуи», — нет, и пролетарии, — эти еще бесстыднее.

Ни стыда, ни жалости; так нет ли хоть страха? Но и страха почти уже нет. Помните тургеневского мальчика, выглянувшего в окно, во время кончины мира: «Дяденька, глянь-ка, земля провалилась!» Провалилась Россия, шестая часть планеты Земля, а Европа хочет устроиться на самом краю провала.

Чем грозит русский большевизм Европе, мы предчувствовали смутно еще там, в России, во время наступления Колчака, Юденича, Деникина; но только здесь, в Европе, только теперь, после падения Врангеля, мы видим это с неотразимою ясностью.

Когда под Варшавою разбиты были красные полчища, ничего не стоило свергнуть Советскую власть. Внутри России все уже было готово, и достаточно было искры, чтобы произошел взрыв; достаточно было малейшего извне дуновения, чтобы Советская власть разрушилась, как картонный домик. Но Европа не двинулась, не шелохнулась. Польша заключила мир, Врангель пал, и большевизм, восторжествовав, неимоверно усилился.

Отчего же Европа осталась недвижною? Не захотела или не смогла двинуться? Страшный вопрос.

Наш страх за Европу — страх за себя, за свое. «Моя Европа», — говорил Чаадаев. «У нас две родины — наша Русь и Европа», — говорил Достоевский.

Европейцы в Европе — англичане, итальянцы, французы, немцы; только русские — европейцы всемирные. Гениальною особенностью Пушкина, самого русского из русских людей, Достоевский считает эту способность ко всемирности, «всечеловечности», к чудесным перевоплощениям, вхождением русской души в души всех других народов.

Слабость нашего национального чувства, ныне столь роковая для нас, может быть, и зависит от этого чрезмерно напряженного чувства всемирности. У нас две родины, наша Русь и Европа; одну мы уже потеряли; что если потеряем и другую? Вот наш страх.

Первое и последнее слово Европы о большевизме — «невмешательство». Россия лежит, как тяжело больной, без сознания, без памяти; сама не может встать. А Европа говорит: «Не тревожьте больного, не приводите в чувство, не подымайте, не вмешивайтесь в русские дела».

Это одно из двух: или бездонное невежество, или бесстыдная ложь.

Тут, в самом понятии «вмешательство», положение дел извращено в корне. Речь идет вовсе не о том, чтобы Европе вмешиваться в русские дела, а о том, чтобы России не вмешиваться в дела европейские. Ведь, главная сущность рус-

ского большевизма и есть воля к такому вмешательству, воля ко «всемирной революции». Русский большевизм значит Интернационал, а Интернационалом решаются дела не только России, но и всей Европы. Те, кто говорят о «невмешательстве», поддерживают русский большевизм, как орудие Интернационала, т. е. поддерживают вмешательство России в дела Европы.

Хитрый план «невмешательства» еще недавно сводился к тому, чтобы задушить Россию железным кольцом блокады, окружить чумной дом и ждать, пока в нем вымрут все. План оказался недействительным: железное кольцо прорвано. И вот придуман другой план, еще более хитрый: задушить Россию не железом войны, а подушкой мира.

О мире с большевиками говорить трудно. Как, в самом деле, говорить о том, что совершенно непонятно, потому что совершенно безумно? Признав Советскую власть, подписав мир с большевиками, Европа подписала бы себе смертный приговор, одним ударом ножа убила бы себя и Россию.

Для тех, кто знает, что такое русский большевизм, не может быть сомнения в том, что мир с большевиками означает неминуемую мировую катастрофу, нечто, в самом деле, подобное «кончине мира», апокалипсическому «царству Зверя».

Мировая война слишком глубоко вдвинула Россию в Европу, чтобы можно было их разделить. Должно учесть, как следует, безмерность того, что сейчас происходит в России. В судьбах ее поставлена на карту судьба всего культурного человечества. Во всяком случае, безумно надеяться, что зазявшую под Россией бездну можно окружить загородкою и что бездна эта не втянет в себя и другие народы. Мы — первые, но не последние.

Большевизм, дитя мировой войны, так же как эта война, — только следствие глубочайшего духовного кризиса всей европейской культуры. Наша русская беда — только часть беды всемирной.

Если бы житель иной планеты спросил у нас, что сейчас происходит с земным человечеством, то мы могли бы ответить тремя словами: люди забыли Бога.

О Боге с современными европейцами говорить трудно. Именно здесь, в безбожии, друзья и враги большевизма сходятся. В обоих станах — один и тот же лакей Смердяков, твердо знающий, что нет Бога. Лакей Смердяков знает это не только вместе с большевиками, но и с «буржуями». Из всех буржуйных бездарностей это главная: общая с большевиками метафизика. Ллойд Джордж бранится с Лениным, но милые бранятся — только тешатся. Буржуй — большевик наизнанку; большевик — буржуй наизнанку. Не потому ли борьба Европы с большевиками — такая бессильная и бесчестная.

С современными европейцами трудно говорить о религии вообще, а о христианстве — особенно. Для них давно уже христианство — «миф». Но по слову Чаадаева: «Европа, что бы ни говорила и ни делала, все еще тождественна христианству». Христианство — начало Европы, и конец христианства — конец Европы. Можно бы сказать европейцам: для вас христианство «миф»? Берегитесь, как бы вам самим не сделаться мифом!

Европа все еще тождественна христианству, потому метафизическая основа обоих все еще одна: абсолютная мера человеческой личности — Личность Божественная, Абсолютная Личность — Христос. Если нет Христа, то нет христианства, нет и всей христианской Европы — ни Готики, ни Ренессанса, ни Реформации, ни Революции, ибо все это лишь восходящие ступени человеческой